

Hannu Tommola
(University of Tampere)

***Прямо прямо идет, а с нею не разминешься*¹ (о статусе дискурсивных слов и частиц)**

Понятие *дискурсивного слова* восходит к взглядам видного французского лингвиста Антуана Кюлиоли. В изучении дискурса, особенно в зарубежной традиции анализа разговора, известно понятие *дискурсивных частиц*. Они же в первую очередь представляют собой явление устной речи, а неразвитость *конверсационного анализа* до недавних пор тормозила в русской лингвистической традиции и изучение частиц и других слов, особенно встречающихся в неформальном устном общении. Предметом настоящей статьи является теория значений и употребления точно не определяемой (и, возможно, открытой) группы наречий и частиц, а также некоторых союзов, характеризуемых общим термином *дискурсивные слова*. В этой связи заслуживает внимания и теоретически интересная классификация частиц, представленная в новой *Большой грамматике* финского языка (Nakulinen et al. 2004).

1. Дискурсивные слова и частицы

Кюлиоли (см., напр. Culioli 1991) развивал в духе теорий Бенвениста свою модель лингвистики высказывания или дискурса (*linguistique de l'énonciation*).² Термин Кюлиоли *mots de discours* в форме *дискурсивные слова* был принят на вооружение в совместном проекте русских и французских языковедов, инициированном французским славистом Дени

¹ Даль, Вл. ([1862]1880), *Толковый словарь живого великорусского языка*.

² Понятие «энонсиации» несколько загадочно для нефранкофонов, см., напр., Marnette 2001.

Прямо прямо идет, а с нею не разминешься
(о статусе дискурсивных слов и частиц)

Пайаром.³ Конкретным результатом проекта были две коллективные монографии (Баранов и др. 1993; Киселева & Пайар 1998).⁴

Теоретическое определение части речи тех или иных дискурсивных слов или систематическое распределение их среди отдельных частей речи русскими коллегами не выполнялось. Ими отмечен неясный в этом отношении статус дискурсивных слов, и как ближайшая часть речи, в которую они могли бы быть отнесены, указаны *служебные слова* (грамматические слова, не обладающие лексическим значением) и *частицы* (которые пересекаются с наречиями). Еще В.В. Виноградов в своей классической грамматике (1947) основательно разобрал те же группировки слов, в частности, *модальные слова* и *модальные частицы*; им же была предложена функциональная классификация с двенадцатью классами.

Несмотря на то, что принципиальное рассмотрение сути дискурсивных слов, на наш взгляд, остается на полпути, изложенный в работах французских и русских лингвистов примерный материал и его анализ – часто в меткой метафорической форме – очень интересны и плодотворны. Корпус примеров в большинстве своем подобран из художественной литературы, его состав авторами систематически не рассматривается и не подвергается критическому разграничению. Так как уже само название «дискурсивные слова» позволяет подразумевать, что данные слова могут иметь специфическое значение и основную, собственную сферу действия в интеракции (в разговоре), можно сожалеть, что в качестве иллюстративного материала и предмета анализа не используется настоящая устная речь. Если же приходится ограничиваться выборкой из письменной речи, одним исходным пунктом могло бы быть изучение материала с разграничением использования данных слов в монологической речи (в повествовании) и диалоге.⁵ Вышедшая недавно *Большая грамматика финского языка* (Наkulinen et al. 2004) представляет частицы и их классификацию радикально по-новому. Частицы в грамматиках многих языков традиционно представляются как часть речи, в которую «сваливают» слова, принадлежность которых к тому или другому классу не удается установить, а подробное

³ Понятие находило применение автором этой статьи и ранее (см., напр., Tommola 1998). В более полной, сопоставительной версии содержание настоящей статьи было изложено на финском языке (Tommola 2006).

⁴ Материалы этих книг использовались в дипломной работе Севери Ярвеля, выполненной под руководством автора данной статьи в Тамперском университете (2006).

⁵ Авторитетным источником данных по некоторым дискурсивным словам является и *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* (Апресян и др. 1997, 2000, 2003; второе издание трех выпусков опубликовано однотомной книгой на почти полутора тысячах страниц (Апресян и др. 2004). Подход к материалу в нем не менее интуитивен, хотя достаточно убедителен.

описание разных типов слов в этой «свалочной» категории почти всегда отсутствует. Все дискурсивные слова, выделенные Барановым и др. (1993), можно уместить в одну или несколько разных (в зависимости функции) групп частиц в *Большой грамматике*. По сравнению с традиционными грамматиками, в новой грамматике финского языка перечислены достаточно четкие критерии выделения частицы (см. Tommola 2006). К сожалению, предпринять попытку сопоставительного анализа здесь невозможно, но инновативная классификация грамматики финского языка, безусловно, может оказаться полезной, если вообще можно предполагать, что функции, выражаемые частицами, более или менее совпадают в разных языках.⁶

Теоретический интерес представляет вопрос о полисемии или полифункциональности этой лексики. Этому вопросу не уделяется достаточного внимания в словарях и грамматиках; не получил он достойного места и в описаниях дискурсивных слов. Например, в классификации *Большой финской грамматики* слова *oikein* ‘очень’, *ihan* ‘вполне’ и *aivan* ‘совсем’ отнесены к словам интенсивности; в то же время *oikein* и *ihan* характеризуются также как частицы-«оттенители», а *aivan* – как диалоговая частица. Кроме того, многие союзы в разговоре (в устном дискурсе) выступают в функциях, в которых не имеет смысла называть их союзами.

Помимо дифференциации значений дискурсивных слов в указанных работах (Баранов и др. 1993; Киселева & Пайар 1998) анализируются также различные контексты, в которых встречаются частицы или дискурсивные слова, и которые позволяют осветить оттенки значения близких синонимов. Таким образом можно было показать, что синонимия часто оказывается неполной, а тождественная функция обнаруживается лишь в известном частном значении.⁷ Например, различие между выражениями *по крайней мере* и *по меньшей мере* (Баранов 1998) оказывается очень близким к аналогичной паре финских дискурсивных единиц *ainakin* и *vähintään*. Из этих финских слов только первое является «чистым» дискурсивным словом в подразумеваемом нами смысле.⁸

⁶ Напомним, что к дискурсивным словам как финские, так и русские языковеды относят не только однословные единицы, но и лексические единицы, состоящие из двух или нескольких слов (ср., напр., *на самом деле*, финск. *itse asiassa*, шведск. *i själva verket*, немецк. *in der Tat* и т.п.).

⁷ В упомянутом выше проекте, руководимом Ю.Д. Апресяном (Апресян и др. 1997, 2000, 2003), существенное место уделяется выделению семантических нюансов и морфосинтаксических особенностей употребления слов, образующих синонимические ряды.

⁸ Ср., например: *Niitä oli ainakin / vähintään tuhat* ‘их было по крайней/меньшей мере тысяча’, но *Minä ainakin / ?vähintään lähden mukaan* ‘я по крайней/ ?меньшей мере пойду с вами’.

Нам представляется разумным рассмотреть эти слова – наречия, частицы, дискурсивные слова – с точки зрения критерия сохранения или утрачивания их лексического значения. Так, наречие с тем или другим основным лексическим значением может употребляться в некоторых известных семантических вариантах согласно правилам регулярной многозначности (см., напр., Апресян 1974/1995). Например, употребление наречия может варьироваться в рамках пространственного и темпорального значения, но также распространяться метафорически на функции, где первоначальное (основное) значение стирается. Таким образом можно определить два главных типа употребления: наречие с сохранением основного значения (напр., финск. *vasta* ‘не раньше’: *jään pois vasta Kouvolassa* ‘я выхожу **только** в Коуволе’ = пространственное значение, и *tulen vasta huomenna* ‘я приду **только** завтра’ = темпоральное значение) и в роли дискурсивного маркера, утратившего свое лексическое значение: *siinä vasta pösilö!* ‘ну и дурак!’

2. ‘Прямо’ = ‘просто’

- (4) а. – **Прямо** цирк! (Ильф и Петров, *Золотой теленок*)
б. ... это **просто** ангел! (Лермонтов, *Герой нашего времени*)

Понятия в человеческом сознании появляются и образуются не с учетом их грамматической классификации, как представители той или иной части речи или тому подобное. ‘Прямо’ и ‘просто’ представляют собой некие основные понятия, не произведенные от других понятий, они принимаются как элементарные истины, которые исключают любые более сложные понятия и толкования в положении вещей, и представляют его в «чистом виде»: *идет прямо* значит ‘не извивается, вьется или виляет’, а ‘*просто* идет’.

В употреблении слов *просто* и *прямо* в русском языке можно выделить три типа, из которых один является общим для обоих, т.е. эти слова могут в известном контексте выступать синонимами (ср. пример 4). Их основные значения восходят к понятиям свойств ‘простой’ и ‘прямой’. Вряд ли может быть что-либо **проще**, чем **прямая** (линия), определение которой является одним из основных понятий математики (геометрии). Известно, что *прямую линию* «можно определить как линию, вдоль которой расстояние между двумя точками является кратчайшим» (МЭС 1988). В то же время математическое доказательство этой истины невозможно. Прямая линия принимается «за одно из исходных понятий, которое лишь косвенным образом определяется аксиомами геометрии» (там же). Таким образом, говорящие, носители того или иного языка имеют представление о том, что означает слово *прямо* (или его эквиваленты в других языках), на основе интуитивной

логики человека, чего не может определить и математика – она просто (!) принимает это как аксиоматическую истину.

Второе понятие, которое мы рассматриваем, – ‘просто’ – собственно говоря, нельзя считать основным понятием математики, но и оно играет роль в теоретической логике. На чем основывается сходное поведение *прямо* и *просто* как дискурсивных слов? Визуальное изображение их может быть одинаковым. Нет ничего более простого, чем прямая линия, разве только **точка** – другое исходное положение в математике, только косвенно определяемое аксиомами как предмет, *не имеющий измерений*.

(5) ‘Прямой’ и ‘простой’

‘Прямой’

—

‘Простой’

•

Хотя в двуязычных словарях можно найти достаточно много вариантов перевода и употребления указанных слов, исследуя тексты разных жанров, можно найти и варианты, которые не зафиксированы в словарях.

При рассмотрении примеров употребления этих двух слов русского языка можно сразу заметить, что «соответствующие» слова финского языка функционируют как регулярные переводные эквиваленты только тогда, когда слова выступают в своем основном лексическом значении. Отметим ряд особенностей соответствующих финских слов в их основном значении. Финское *yksinkertainen* ‘простой’ / *yksinkertaisesti* ‘просто’ представляет собой сложное слово (как, напр., немецк. *einfach*) и, следовательно, по своей внешности не такое «простое» как русское *простой* (или англ. *simple* и шведск. *enkel*)⁹ и при этом довольно-таки длинное. Тем не менее, финское слово довольно часто встречается не только в своем основном лексическом значении, но и в функции «оттенителя» всего высказывания. Произведенное таким же образом от прилагательного *suora* ‘прямой’ наречие *suorasti*, наоборот, является достаточно редким и в своем лексическом значении¹⁰. Зато лексикализованная форма иллативного падежа *suoraan* ‘прямо’ прилагательного является нормальным соответствием русского наречия *прямо*, но в отличие от *yksinkertaisesti* ‘просто’ *suoraan* почти не встречается в дискурсивной функции.

⁹ Шведское же сложное (по своей структуре сходное) слово *enfaldig* лексикализировалось в значении ‘простой, глупый’.

¹⁰ В газетных материалах Банка текстов финского языка это слово встречается 47 раз, из которых часть в тождественных текстах, опубликованных в разных газетах; в каждом третьем случае оно используется в контрастной функции вместе с антонимическим *epäsuorasti* ‘непрямо’. В то же время *yksinkertaisesti* ‘просто’ встречается в той же выборке ок. 5340 раз.

3. Просто

В книге Баранова и др. (1993) употребление *прямо* делится на две модификации: 1) «минимизации» (т.е. ‘только’) и 2) «кульминации» (т.е. ‘даже’). Следующие примеры (Баранов и др. 1993, 171) демонстрируют разницу между этими двумя модификациями:

- (6) Не бойся, это **просто** домашний пес, он не укусит.
- (7) Да это **просто** чудовище, а не собака, уберите ее скорее отсюда.

В обоих примерах *просто* модифицирует слово, которым характеризуют ‘собаку’. Так как именная группа, обозначающая собаку, уже передает существенную коммуникативную информацию (*домашний пес* и *чудовище*), модификация *просто* с точки зрения пропозиционального содержания не нужна. Следовательно, *просто* получает свое значение из контекста; оно подчеркивает в контексте первого случая «безвредность» нормальной домашней собаки, а во втором – «вредность» прототипического чудовища. Таким образом, оценочный оттенок возникает от характеристики существа, а не от сопровождающего (но не определяющего) его дискурсивного слова. В этом смысле мы действительно имеем дело с дискурсивным употреблением – по крайней мере во втором случае, в котором трансформация в форму *простое чудовище* вряд ли возможна.

В следующем примере представлены сразу оба значения слова *просто*:

- (8) На обыкновенном языке о «пункте чести» не упоминается. Я вполне был уверен (чутье-то действительности, несмотря на весь романтизм) что все они **просто** лопнут со смеха, а офицер не **просто**, то есть не безобидно, прибьет меня, а непременно коленком меня напинает, обведя таким манером вокруг биллиарда, и потом уж разве смилуется и в окно спустит. (Достоевский, *Записки из подполья*)

3.1. Просто: тип ‘даже’

Значение «кульминационной» модификации слова *просто* можно перефразировать оборотом «*Не менее того*» (Баранов и др. 1993, 173). Слово в данной функции указывает, что определенный «элемент *x* возникает в данной ситуации, максимально реализуя некоторое свойство, и не содержит никаких более слабых компонентов, навязываемых ему контекстом/ситуацией».

- (9) – Это было **просто** невыносимо! (Набоков, *Лолита*)
- (10) – Представить себе, что Николай Антоныч сходит с ума от любви, – это было **просто** невозможно! (Каверин, *Два капитана*)

3.2. *Просто*: тип ‘только’

Во втором типе употребления ((11) и (12)) *просто* занимает функцию фокусирующей частицы, и его можно перевести на финский язык частицей *vain* ‘только’. Здесь мы имеем дело с весьма типичным дискурсивным употреблением, так как трудно указать, какую именно часть высказывания модифицирует частица.

Согласно Баранову и др. (1993, 171–172), *просто* в «минимизирующей» модификации («Не более того») «указывает, что элемент *x* не содержит никаких дополнительных приращений, навязываемых ему контекстом/ситуацией» (11). Они отмечают также, что только в этой модификации *просто* выступает в начальной позиции и сочетается с отрицанием (12).

(11) – Я неизлечим, – спокойно ответил гость, – когда Стравинский говорит, что вернет меня к жизни, я ему не верю. Он гуманен и **просто** хочет утешить меня. (Баранов и др. 1993, 171 < Булгаков)

(12) Все засмеялись, а Ворчун сказал:

– А ты, должно быть, думал, что и домик полетит с нами?

– Ничего я такого не думал! – обиделся Незнайка. – **Просто** я увидел, что наш домик стоит, вот и сказал. (Носов, *Приключения Незнайки и его друзей*)

4. *Прямо*

Прямо может функционировать как наречие, более или менее сохраняя свое лексическое значение ((12)–(14)), и как дискурсивное слово или частица с варьирующимися оттенками в разных семантических контекстах ((16)–(20)). Основное лексическое значение сохраняется в следующих случаях:

а) ‘прямо’: в пространственном значении: идти, ехать, быть/находиться прямо (вперед, назад / впереди, сзади и т.д.); напр., (13)

б) ‘сразу’: во временном значении: сказать, рассказать, идти и т.д. сразу; напр., (14)

в) ‘прямо’: метафорически в дополнении к глаголам речи и т.п.; напр., (15)

Согласно Баранову и др. (1993, 161–162), употребление слова *прямо* в первой модификации («Выпрямление») редуцирует ситуацию за счет «промежуточных» элементов, которые, с точки зрения говорящего, должны были входить в ситуацию. «С другой стороны, введение *прямо* может свидетельствовать о том, что избран в целом более «сокращенный» вариант развития» ситуации: «шагать по лужам» вместо того,

чтобы «шагать, выбирая дорогу». В примере (14) слово *прямо* не употребляется как дискурсивное слово, а как наречие, лексически определяющее глагол.¹¹

- (13) Брюки промокли по колению и облепили ноги – вероятно, он шагнул не разбирая дороги, **прямо** по лужам. (Баранов и др. 1993, 161 < А. и Б. Стругацкие)
- (14) – Я вас не знаю, – сухо сказала Маргарита.
– Откуда ж вам меня знать! А между тем я к вам послан по делу. Маргарита побледнела и отшатнулась.
– С этого **прямо** и нужно было начинать, – заговорила она, – а не молоть черт знает что про отрезанную голову! Вы меня хотите арестовать? (Баранов и др. 1993, 161 < Булгаков)

Вторая модификация употребления слова *прямо*, выделенная Барановым и др. (1993, 162) и характеризуемая как «без обиняков», нам представляется сомнительной; здесь можно не согласиться с авторами в отнесении этого типа употребления к функциям дискурсивных слов. Речь идет о том, что говорящий высказывает *прямо* то, о чем он думает, без лишних (или принятых обычно как необходимых) эвфемизмов. Этот «случай всегда реализуется в контекстах типа *скажи прямо / скажем прямо*». В (15) *прямо* – наречие, оно модифицирует манеру говорения в качестве обстоятельства образа действия, и можно считать регулярной манифестацией метафоризации.

- (15) С чемоданами гулять, **прямо** скажем, – затруднительно и неудобно. (Некрасов, *Приключения капитана Врунгеля*)

4.1. *Прямо* как слово интенсивности – ‘даже’

В примерах (16) и (17) *прямо* можно интерпретировать как слово интенсивности. В (16) еще различима связь с лексическим значением (‘совсем’ в пространственном значении непосредственной близости).

- (16) Не знаю, кто додумался выставить мешки с мусором **прямо** на углу дома № 36 по улице Энтузиастов. (Виктор Лихачёв, *Мусорный ветер. Встреча*)¹²

В третьей модификации («Иначе не скажешь») *прямо* указывает, что введение определенного элемента в качестве наименования ситуации

¹¹ В (13) *прямо* переводится на финский язык основным лексическим («словарным») эквивалентом *suoraan*, а в (14), например, *heti* ‘сразу’.

¹² Пример из Русского национального корпуса (РНК 2003–2006; <http://www.ruscorpora.ru>). Остальные примеры в своем большинстве подобраны из корпусов, собранных на Отделении переводоведения Тамперского университета (см. Михайлов 2003).

или объекта означает исключение возможности описать эту ситуацию или объект с помощью более слабых характеристик (Баранов и др. 1993, 163).

- (17) Ты советуешь сходить к ней? – тихо спросил он.
– Конечно Серега. – Я **прямо** тронут его беспомощностью. (Баранов и др. 1993, 163 < Шукшин)
- (18) Тут у меня **прямо** сердце проваливалось. (Виктор Драгунский, Не пиф, не паф! *Денискины рассказы*, 1963 < РНК)

4.2. *Прямо* как диалоговая частица – ‘абсолютно, совершенно’

В письменных источниках трудно найти примеры иронического употребления слова *прямо*, хотя это типично для повседневной разговорной речи. Пример (19) взят из двуязычного словаря; возможные финские соответствия в (20) сконструированы нами для иллюстрации того, какую важную роль для правильной интерпретации информации играет просодика устной речи.

- (19) – А я то думал, что вы по мне соскучились – Ну **прямо!**
Minä kun luulin, että teillä oli ikävä minua. – **Vielä mitä!**
(Куусинен и др. 1997)
- (20) а) Ну **прямо!** – *No suorasti ‘*ну прямо’ или: – No **súorastáan!** ‘ну даже’
б) **Прямо!** – *Suorasti ‘*прямо’ или: – **Súorastáan!** ‘даже!’

Нельзя считать удивительным тот факт, что в ироническом употреблении лексические соответствия принятых в разных языках выражений не совпадают. Так и в финском языке прямое соответствие в таких случаях как в (20) немислимо. И вариант *suorastaan* ‘даже’ не очень распространен, хотя следует принять во внимание, что в эмоциональных выражениях вариация, как географическая (в разных диалектах и региолектах), так и между социо- и идиолектами, большая. В этом случае и *suorastaan* ‘даже’ с соответствующей интонацией (с повторным ударением, кроме первого, на третьем слоге) будет понято правильно, т.е. в смысле, диаметрально противопоставленном лексическому содержанию. Его можно сравнить с более распространенными разговорными или просторечными выражениями, в которых ударение тоже двойное: *No júst jóo!* ‘ну вот да!’ / *No kýllä kái!* ‘ну действительно пожалуй!’ / *Älä únta nää!* ‘не сон видь! / не мечтай!’. Просодические показатели, о роли которых упоминается также в *Большой финской грамматике*, заслуживают особого изучения (см. также Бонно & Кодзасов 1998). Когда все высказывание состоит из одного дискурсивного слова, последнее, естественно, не может быть безударным, а чаще всего подчеркнуто выде-

ляется ударением. Иначе же дискурсивные слова, как правило, безударны, что связано с утратой ими лексического значения.

5. Итоги: *просто* и *прямо*

Хотя *просто* и *прямо* в принципе функционируют одинаково, а в одном из дискурсивных значений могут употребляться синонимически ('даже'; 3.2 и 4.2), *просто* не используется в той функции, как *прямо* в (20). По-видимому, данную функцию следует считать немотивированной с преобладанием значения просодии. В заключение представим еще одну пару примеров (21) на различное употребление данных слов. Оба слова выступают в устойчивом сочетании с частицей *так*. С точки зрения дискурсивных средств надо считать *прямо так* и *просто так* самостоятельными лексемами («дискурсивными словами»).

- (21) а. *прямо так* 'без излишних приготовлений'
Иди **прямо так**, не переодевайся. (Баранов и др. 1993, 180)
- б. *просто так* 'без особых намерений'
Я позвонил тебе **просто так**, мы давно ведь не виделись.
(Баранов и др. 1993, 180)

Слова *просто* и *прямо* встречаются, естественно, и в своих основных значениях. Употребление первого в качестве наречия в настоящей статье не рассматривалось (напр., *он вел себя просто*). Напротив, употребление последнего (*прямо*) в качестве наречия иллюстрировалось выше в примерах (11), (12) и (13), которым возможны разные финские соответствия: *suoraan* 'прямо' и *heti* 'сразу'. Оба слова одинаково функционируют в роли частицы интенсивности в (9) и (10). К тому же *просто* интересным образом энантиосемично тем, что способно придавать высказыванию как преувеличивающую, так и недооценивающую окраску, напр., (6) и (7). Только *прямо* может выступать как эмоциональная диалоговая частица, см. (19) и (20).

Итак, прямое прямей не будет. Из богатой коллекции речений с рассмотренными словами в качестве напутствия юбиляру скажем в заключение:

Аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет.
(Матв. 6: 22)

Адрес электронной почты автора: hannu.tommola@uta.fi

Литература

- Апресян, Ю.Д. 1974/1995. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974. [См. также *Избранные труды, том 1*. 2-е издание, испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.]
- Апресян, Ю.Д. и др. 2004. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. – 2. изд., испр. и доп. *Studia Philologica, Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60*. Москва & Вена: Языки русской культуры. LXVIII, 1417 с.
- Апресян, Ю.Д. и др. 1997, 2000, 2003. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Выпуски 1–3. Москва: Языки русской культуры.
- Баранов, А.Н. 1998. Сопоставительная статья: *по крайней мере, по меньшей мере*. В кн. Киселева & Паяр (ред.), 1998, 105–108.
- Баранов, А.Н., В.А. Плунгян & Е.В. Рахилина. 1993. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Москва: Помовски и Партнеры.
- Бонно, К. & С.В. Кодзасов. 1998. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*). В кн. Киселева & Паяр (ред.), 1998, 382–443.
- Виноградов, В.В. [1947]1986. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Издание третье, исправленное. Москва: Высшая школа.
- Киселева & Паяр (ред.). 1998. *Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания*. Москва: Метатекст.
- Куусинен, Мартти (гл. ред.), Вера Оллыккайнен & Юлия Сюрляйнен. 1997. *Большой русско-финский словарь*. Helsinki: WSOY.
- МЭС 1988 = *Математический энциклопедический словарь*. Под ред. А.М. Прохорова. Москва.
- Михайлов, Михаил. 2003. *Параллельные корпуса художественных текстов. Принципы составления и возможности применения в лингвистических и переводоведческих исследованиях (на примере русско-финского параллельного корпуса художественных текстов)* (Acta Universitatis Tamperensis 956). Тампере: Тамперский университет. [Acta Electronica Universitatis Tamperensis, 280: <http://acta.uta.fi/pdf/951-44-5754-4.pdf>]
- Culioli, Antoine. 1991. *Pour une linguistique de l'énonciation: opérations et représentations. Tome 1. L'homme dans la langue*. Paris: Ophrys.
- Hakulinen, Auli, Maria Vilkkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Riitta Heinonen & Irja Alho. 2004. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS.
- Marnette, Sophie. 2001. The French théorie de l'énonciation and the study of speech and thought presentation. *Language and Literature* 10(3), 243–262.
- Tommola, Hannu. 1998. Attitydord: *Verkligen* i diskurs och i ordbok. В кн. Antero Niemikorpi (toim.), *Matkalla kielestä kieleen. Juhlakirja Rune Ingon 60-vuotispäiväksi* (Acta Wasaensia 63. Kielitiede 13. Universitas Wasaensis), 207–221.
- Tommola, Hannu. 2006. Ihan vain jopa suoraan. Partikkeleista ja diskurssisanoista kontrastiivisesti (venäjän *prosto* ja *prjamo*). Lehtinen, Esa & Nina Niemelä (eds). *VAKKI XXVI. Vaasa 11.–12.2.2006. (LSP and Theory of Translation. 26th VAKKI Symposium)*. Publications of the Research Group for the Theory of translation, LSP and Multilingualism at the University of Vaasa, 33. Vaasa. 307–318.